

которыхъ изслѣдователей, божествомъ дуба¹⁾). Въ Германиі почитаніе священныхъ рощъ и деревьевъ сохранялось въ видѣ переживаний чутъ ли не до нашихъ дней²⁾). За сдираніе коры съ заповѣдныхъ деревьевъ древне-германское право устанавливала крайне жестокую, мучительную казнь³⁾). Главною святыней саксонцевъ считался знаменитый деревянный столбъ Irminsul подгѣ Эресберга (и. *Stadtberge*), разрушенный Карломъ Вел. въ 772 г.⁴⁾. Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ повсюду сказочныхъ мотивовъ, а именно представление о міровомъ деревѣ, оказывается характернымъ главнымъ образомъ для германскихъ племенъ: скандинавскій міровой ясень *Yggdrasil*— типичный примѣръ такого представленія⁵⁾). Какую громадную роль играетъ „майское дерево“ въ сельскохозяйственныхъ обрядахъ въ Западной Европѣ и у славянъ, показали недавнія изслѣдованія Е. В. Аничкова⁶⁾. Культъ деревьевъ существовалъ, повидимому, и у древнихъ римлянъ⁷⁾). Въ славянскомъ фольклорѣ растительное царство занимаетъ выдающееся мѣсто. Лѣтописная извѣстія зачастую говорятъ о

καὶ τὰ δένδρα εἰς θεοὺς ἐνομίζοντο.
Leon. Isaur. 32.

ГЛАВА IV.

Происхожденіе культа растеній.

Культъ растительного міра представляетъ собою одну изъ основныхъ формъ религіознаго сознанія первобытнаго человѣка, нѣкогда одинаково распространенную почти у всѣхъ племенъ земного шара и въ массѣ народа не вымершую отчасти и до сихъ поръ. Такъ, напр., почитаніе деревьевъ является существеннымъ элементомъ языческихъ религій всѣхъ индоевропейскихъ племенъ. У кельтовъ друиды поклонялись священнымъ дубамъ¹⁾; у индусовъ²⁾, литовцевъ³⁾, древн. пруссовъ⁴⁾ существовали священные деревья и заповѣдныя рощи: верховный богъ балтийскихъ племенъ Перкунъ былъ, по мнѣнію нѣ-

¹⁾ Plin. h. n. XVI. 249 сл.; Maxim. Tug. dissert. VIII, 8; срв. C. Julian, Rev. et. ane. 1901, 213; 1902, 275 сл.; E. Anwyl, Celtic Religion, 1906, 32, 44. О сказочныхъ лѣсныхъ существахъ, феяхъ и т. д. и заповѣдныхъ деревьяхъ въ повѣстяхъ современныхъ французовъ см. P. Sébillot, Le folk-lore de France, I, 253 сл., 292 сл.

²⁾ Срв. Macdonell, Vedic Mythol. 104 сл., 154; Oldenberg, Rel. des Veda, 175 сл., 255 сл. и особенно W. Crooke, The Popular Religion and Folk-Lore of Northern India, Westminster 1896, II, 83—145.

³⁾ Срв. Frazer, Le Rameau d'or, III, 1911, 3 прим. 6; L. Krzywicki, Rozwój kultury. Poradnik dla samoukow, V, 514, фиг. 155.

⁴⁾ Срв. H. Lullies, Zum Götterglauben d. alt. Preussen, Königsb. 1/Pr. 1904, 8 сл.

⁵⁾ О родствѣ др. прус. *percunis*, лит. *percūnas*, латышск. *perkūns* съ лат. *quercus* и др.-врх.-нѣм. *forha* (=Föhre) см. Bernecker, Die preussische Sprache, Strassb. 1896, 312.; H. Lullies, цит. соч. 17, прим. 5.

⁶⁾ Grimm, D. M. I, 56 сл.; Bavaria, III, 927 сл.

⁷⁾ Grimm, D. Rechtsalt. II, 39; W. Mannhardt, Baumk. d. German. 26 сл.

⁸⁾ E. H. Meyer, Mythol. d. Germ. 25, 312, 314, 318; Much, Wörter u. Sagen, I, 40.

⁹⁾ Grimm, D. M. I, 664 сл.; E. H. Meyer, цит. соч., 170, 253, 293, 450, 461 сл.; J. v. Hahn, Sagwissenschaftl. Studien, 535 сл.; Mannhardt, Baumk. 54 сл. F. H. Philpot, The Sacred Tree, Lond. 1897, 109 сл.; H. M. Chadwick, The Cult of Odin, Lond. 1899, 72 сл.; P. Herrmann, Nordische Mythol. Leipz. 1903, 588 сл., 593 сл.; Rich. M. Meyer, Altgerman. RG. 474 сл.

¹⁰⁾ Е. В. Аничковъ, Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ, I—II, С.-Пб. 1903—1905 (*Сборн. Отд. Рус. яз. и Слов. Импер. Акад. Наукъ*, LXXIV и LXXVIII). По культу деревьевъ у древн. германцевъ основнымъ сочиненіемъ остается до сихъ поръ Mannhardt, Baumkult. d. Germanen, Berl. 1875; срв. также E. H. Meyer, Mythol. d. German., 20, 26, 30, 150 сл.; E. Mogk, German. Mythol. 293; Herrmann, Nord. Mythol. 512 сл.; Rich. M. Meyer, Altgerman. RG, 69 сл. Нѣкоторыя специальные изслѣдованія и сообщенія приведены будутъ впослѣдствіи (напр., Zingerle, Der heilige Baum bei Nauders (Тироль), Zeitschr. f. Deutsch. Mythol. u. Sittenkunde, IV, 1859, 33 сл.; J. Mayer, Pflanzenkultus in der Eifel. Zeitschr. f. rhein. Volksk. VI, 2 и мн. др.) Срв. также J. Hoops, Waldbäume u. Kulturpflanzen im german. Altertum, Strassb. 1905.

¹¹⁾ См. Bötticher, Baumk. d. Hellen. 128 сл., 130 сл., 135 сл. и др.; A. B. Cook, Zeus, Jupiter and the Oak. Cl. Rev., XVII, 1903.

культъ деревьевъ и рощъ у восточныхъ славянъ. „Иные кладеземъ, езеромъ, рощеніемъ жертву приношау“—говорить Густинская Лѣтопись. Въ боснійской Пожегонской провинціѣ еще въ началѣ XVII в. священникъ совершалъ требы подъ священной липой; около того же времени въ Россіи существовалъ полухристіанскій культъ рябины, о которой говорится въ житіи св. Адріана Пошехонскаго¹⁾. Сюда же относится обычай „завиванія берескіи“ на Троицу, многочисленные обряды чествованія „майскаго деревца“²⁾, представленіе о чудесномъ деревѣ въ нашихъ сказкахъ³⁾ и т. д.⁴⁾. У современныхъ грековъ мы также встрѣчаемъ, напр., повѣрія о нимфахъ, живущихъ въ деревьяхъ и называющихся дриміями,—несомнѣнно, остатокъ древнѣ-эллинскаго представленія о дриадахъ⁵⁾ и т. под. Какъ велика была роль культа деревьевъ въ былой религіи арійской вѣтви индоевропейскихъ народовъ, можно видѣть, напримѣръ, изъ того обстоятельства, что іранскій терминъ *yazd*—„богъ“ означаетъ въ сущности высокое дерево (букъ или дубъ—специалисты расходятся въ толкованіи)⁶⁾. Почитаніе деревьевъ сохранилось у армянъ вплоть до нашихъ дней: въ этомъ отношеніи любопытны, напр., такія переживанія въ канонахъ армянской церкви, какъ запрещеніе вредить дереву даже тогда, когда оно явилось виновникомъ чьей-либо смерти⁷⁾. Въ Грузіи сюда слѣдуетъ отнести сказание о кипарисѣ, чудесно вознесенномъ на небо

¹⁾ Е. А[ничковъ], Народна поэзія и древнія вѣрованія славянъ. Исторія русск. литер. подъ ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бородина и Д. Н. Овсянко-Куликовского. I, М. 1908, 59.

²⁾ Ср. Е. В. Аничковъ, Весен. обряд. пѣсни, I, 134 сл., 139 сл., II, 75, 183. О завиваніи берескіи—I, 144, II, 113 сл., 192.

³⁾ Ср. обѣ этомъ А. Н. Веселовскій, Разысканія въ области духовнаго стиха, IV, 47 сл.; XI (дополн.) 351 сл.; А. Аванасьевъ, Поэт. воззр. II, 277 сл.; Н. Коробка. Чудесное дерево и вѣща птица. Жив. Старина, XIX, 1910, 189 сл., 281 сл.

⁴⁾ О культѣ растеній у славянъ см. еще *Sobotka*, Rostlinstvo v národním podání slovanském, Praha 1879, passim, особ. 5 сл.; 54 сл. А. Т. Плиевъ, Растилелното царство въ народната поезия, обичаите, обредите и повѣріята на българите. Сборник за народни умотвор. VII, 1891, 412 сл., IX, 1893, 408 сл.; L. Leger, Etud. de mythol. slave. Rev. hist. rel. XXXI, 101 сл.

⁵⁾ Πολιτης, Μελέτη ἐπὶ τῷ βίῳ τῶν νεωτέρων Ἐλλήνων, Αθήνα 1871, 129 сл.; J. C. Lawson, Modern Greek Folklore and Anc. Greek Religion, Cambridge 1910, 151 сл.; Bernh. Schmidt, Neugriech. Volkskunde. N. Jahrb. f. d. kl. Alt. 1911, 657.

⁶⁾ Н. Я. Марръ, Зап. Вост. Отд. Импер. Русск. Археол. О-ва, XX, 1911, 144, прим. 1.

⁷⁾ См. цитируемые Н. Я. Марромъ работы Е. Лалаяна и еп. Месропа.

и послужившимъ фундаментомъ при постройкѣ первой христіанской церкви¹⁾). Роль Чкондидели въ грузинской церкви объясняется, по вполне правдоподобному, на мой взглядъ, предположенію Н. Я. Марра, переживаніемъ языческаго культа великаго дуба (*tkon didi*) въ Мингрелии²⁾.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что растительный міръ играетъ выдающуюся роль въ фольклорѣ не только индоевропейскихъ, но и полусемитическихъ народовъ (грузины). Но и воображенію древняго египтянина священныя сикоморы рисовались населенными божественными существами, которыхъ на памятникахъ иногда какъ бы выступаютъ изъ ствола дерева наружу³⁾. Тексты пирамидъ 6-й династіи упоминаютъ обѣ одной сикоморѣ, какъ съдальщи боговъ, а Гаторъ получаетъ прозваніе владычицы этого растенія⁴⁾. Слѣды культа деревьевъ обнаруживаются и въ языческой религіи финскихъ племенъ: у эстовъ на о—вѣ Эзелѣ во времена Генриха Латыша посвящены были богу войны Тарапитѣ заповѣдныя деревья, которыхъ хранились считались кумирами⁵⁾.

Итакъ, мы видимъ, что культъ деревьевъ является какъ бы обычной формой религіознаго міропониманія язычества, и стоитъ только прослѣдить исторію религій, чтобы въ каждой изъ нихъ замѣтить явные и многочисленные элементы этого культа⁶⁾. Въ чёмъ же кроются причины его возникновенія?

¹⁾ Н. Я. Марръ, Боги языческой Грузіи по древне-гру. источникамъ. Зап. Вост. Отд. XIV, 1902, 15 сл.

²⁾ Н. Я. Марръ, Зап. Вост. Отд. XX, 1911, тамъ же.

³⁾ Ohnefalsch-Richter, Kypros etc. LXXI—LXXII; Maspero, Hist. anc. I, 121, 184 сл.; F. H. Philpot, The Sacred Tree, 10, фиг. 7; Ad. Erman, Aegypt. Relig. 27.

⁴⁾ G. Roeder, Das Aegyptische Pantheon. Arch. f. RW. XV, 1912, 77 сл. Срѣпо вопросу о культе деревьевъ въ древн. Египтѣ H. Schäfer, Das Osirisgrab von Abydos u. der Baum pfr. Zeitschr. f. Aegypt. XI, 1904, 107 сл.; S. Reinach, Le culte du serpent et de l'arbre en Egypte. L'Anthropologie, XIV, 626 сл. Упоминаемое христіанскими паломниками священное дерево Богородицы подѣ Matarieh въ Египтѣ некоторые изслѣдователи объясняютъ, какъ результатъ прикрытия христіанской легенды къ древне-египетскому культу дерева въ Иллюполя (P. M. Jullien, L'arbre de la Vierge à Matarieh, нѣм. пер. 1906; Loret, Sphinx VI, 99 сл.).

⁵⁾ A. Mierzyński, Mythol. Lituanicae Monum. I, 110 сл.; Castrén, Vorl. üb. finn. Mythol. 210, 241.

⁶⁾ О культе растеній и связанныхъ съ нимъ аграрныхъ празднествахъ у современныхъ некультурныхъ племенъ см., главнымъ образомъ, Frazer, Golden Bough, I,

Основной вопросъ о генезисѣ растительныхъ культовъ доселѣ не вышелъ еще изъ области споровъ. Одни, какъ, напр., Réville¹⁾, склонны выводить поклоненіе различнымъ растеніямъ изъ чисто-практической пользы, которую эти растенія приносятъ людямъ, благодаря своимъ плодамъ. Другие приписываютъ этимъ культамъ символический характеръ: такъ, англійскій архитекторъ и археологъ J. Fergusson²⁾ утверждалъ, что стоящій въ какой-то миѳологической связи съ деревомъ змѣй представляетъ собою мужскую производительную силу, а само дерево — женскую. Аналогичное толкованіе предложено было H. Clay Trumbull'емъ, по которому змѣй является символомъ соединенія дерева съ конусомъ, которые въ свою очередь являются эмблемами женского и мужского пола³⁾. Къ этой же группѣ возможно отнести извѣстнаго изслѣдователя семитическихъ религій W. v. Baudissin'a. По его мнѣнію, напримѣръ, въ кипарисовыхъ, пальмовыхъ и гранатовыхъ деревьяхъ люди стали усматривать божественную силу вслѣдствіе ихъ плодородія, въ дубѣ — вслѣдствіе его мощи и величія и т. д., почему отдельные деревья стали почитаться въ качествѣ символовъ того или иного божественнаго начала⁴⁾. До крайняго преувеличенія доведена символическая интерпретація у W. Schwartz'a и Л. Ф. Воеводскаго, выводящихъ культъ деревьевъ изъ почитанія небеснаго или мірового дерева, вѣтви, листья и плоды котораго суть солнечные лучи, облака и созвѣздія⁵⁾. Всѣ эти теоріи страшатъ тѣмъ общимъ недостаткомъ, что придаютъ врядъ ли свойственной первобытному человѣку склонности къ символикѣ слишкомъ односторонній характеръ, сводя ее либо къ половой жизни, либо къ астрономіи.

48 слл. и III, 1 слл. Срв. также, *Krujji*, Het Animisme etc. 136 слл., 503 слл.; L. Krzywicki, Rozwój kultury. Poradnik dla samouków, V, 530 слл.; Е. В. Аничковъ, Весен. обряд. пѣсня, passim, особ. I, 155 слл.

¹⁾ A. Réville, *Prolégomènes de l'histoire des relig.* 1886⁴.

²⁾ J. Fergusson, *Tree-and Serpent Worship in India*, 1873².

³⁾ H. Clay Trumbull, *The Threshold Covenant or the Beginnings of Religious Rites*, 230 слл.

⁴⁾ W. v. Baudissin, *Stud. z. semitisch. Religionsgesch.* II, 184 слл.

⁵⁾ W. Schwartz, *Indog. Volksglaube*, 1885, 1; срв. его же Ursprung d. Mythol. 1860, 130 слл.; Л. Ф. Воеводскій, Введение въ миѳологію Одиссеи, Одесса 1881, 82: „въ народныхъ преданіяхъ и обрядахъ всѣ деревья, кустарники и вообще растенія, вмѣсто которыхъ нерѣдко являются даже цѣлья рощи, сады и лѣса, такъ же точно, какъ и другіе субституты небеснаго дерева: вѣнцы, вѣнокъ, плеть и т. д., служили первоначально описаніемъ покрытаго звѣздами неба, или, по крайней мѣрѣ, вызванными миѳическими о немъ представлениями“.

номическимъ и метеорологическимъ явленіямъ. Такою же односторонностью страдаетъ теорія O. Gruppe, сводящаго генезисъ поклоненія растеніямъ къ первобытному культу огня¹⁾.

Особое мѣсто занимаетъ гипотеза Herb. Spencer'a, который, какъ известно, сводить всѣ формы религіознаго мышленія къ культу предковъ, единому корню религіи. По мнѣнію Spencer'a, люди называли себя сначала по именамъ различныхъ растеній и животныхъ, впослѣдствіи же дикарь, смѣшивающій название объекта съ самимъ предметомъ, сталъ вѣрить, что отдаленный его предокъ, прозванный по имени растенія, въ дѣйствительности былъ имъ; въ результатѣ такого неправильнаго толкованія имёнъ (*misinterpretation of nicknames*) культъ предковъ переносится на самыя растенія²⁾. Эта теорія не можетъ быть признана состоятельною уже потому, что каждый человѣкъ имѣлъ полную возможность провѣрить значение прозвища на самомъ себѣ или окружающихъ, которые также часто назывались по именамъ растеній и, тѣмъ не менѣе, ничего общаго не имѣли съ эпонимнымъ растеніемъ (Л. Я. Штернбергъ). Связь поклоненія растеніямъ съ культомъ усопшихъ подчеркиваетъ и Grant-Allen³⁾. Однако, несмотря на то, что душа умершаго предка нерѣдко мыслится переселившееся въ то или иное дерево, преимущественно растущее у могилы⁴⁾, выводить отсюда всѣ формы и явленія культа растеній совершенно неправильно.

Нѣкоторые, наконецъ, какъ O. Kern, пытались поставить культь деревьевъ въ связь съ возникновеніемъ первого храма въ видѣ выдолбленнаго или дуплистаго дерева, скрывающаго въ своемъ сердце священный фетишъ⁵⁾. Хотя эта гипотеза и находитъ себѣ отчасти подтвержденіе въ выставленной недавно этимологіи греческаго назва-

¹⁾ Gruppe, II, 784.

²⁾ Herb. Spencer, *Principles of Sociology*, I, 337 слл., гл. XXII—XXIII; срв. мой рефератъ: Современная теорія происхожденія религіи и миѳовъ, Одесса, 1908, 16.

³⁾ The Evolution of the Idea of God, Lond. 1897, гл. 6 слл.

⁴⁾ Wilken, Het Animisme, 75 слл.; Mannhardt, Ant. Wald- und Feldkulte, 20 слл.; A. Koberstein, Weim. Jahrb. I, 1854, 73 слл.; R. Köhler, тамъ же, 479 слл.; Ehwald, Philol. LIII, 1894, 735; Hock, Gr. Weihegebr. 8 слл., 16; W. Wundt, Myth. u. Rel. II, 80 слл.

⁵⁾ O. Kern y Pauly-Wissowa, III, 156: Auch der Tempel dient doch zunѣchst zu weiter nichts als zum Schutze des heiligen Bildes, das vor den Einflussen der Witterung bewahrt werden muss. So tritt der Baum als Schutzdach des Götterbildes in den Kultus der Griechen ein, als Wohnhaus des Gottes, aber nicht als Fetisch, nicht als Abbild des Gottes. Der ausgeh\u00f6hlte Baum vor allem, in den das Kultbild hineingestellt wird, ist der erste Tempel etc.

нія храма оть основы *užgo* — „древесный стволъ“ ¹⁾), но зато она постулируетъ большую древность фетишизма по сравнению съ культомъ деревьевъ, чтд мнѣ представляется маловѣроятнымъ и, во всякомъ случаѣ, требующимъ особаго доказательства.

Въ послѣднее время изслѣдователями религіи выдвигается громадное значение разнообразныхъ сельско-хозяйственныхъ обрядовъ, направленныхъ къ поднятію урожая хлѣбныхъ злаковъ, ягодъ, плодовъ, домашняго скота и т. д. Мнѣ приходилось уже упоминать о томъ, что симпатическая магія поконится на принципѣ: схожія дѣйствія вызываютъ и схожіе результаты. Во время майскаго праздника въ селахъ торжественная процессія направляется съ молодымъ деревцомъ, разубраннымъ лентами и вѣнками, на площадь: здѣсь, вокругъ дерева, начинаются пѣсни и пляски, игры и забавы; къ майскому деревцу обращаются съ жертвами и молитвами объ урожаѣ; дома убираются зеленою и цвѣтами. Въ чемъ же заключается смыслъ этого комплекса обрядовъ, одного изъ самыхъ старинныхъ и самыхъ распространенныхъ на землѣ? Наряжаясь въ цвѣты и листья, отвѣчаетъ новѣйшая теорія (главнымъ образомъ, въ лицѣ Frazer'a), первобытный человѣкъ желаетъ принудить обнаженную землю вновь покрыться пышною зеленою. Это майское деревцо первоначально носили вмѣстѣ съ листвою и корнями, потому оно замѣнено было шестомъ, убраннымъ цвѣтами и зеленою ²⁾. Иногда роль священнаго дерева играетъ соломенная кукла или вообще изображеніе аграрного божества или демона. Въ этомъ смыслѣ древне-греческихъ Адоній ³⁾ и цѣлаго ряда другихъ обрядовъ, связанныхъ съ культурами Афродиты ⁴⁾, Аполлона ⁵⁾, Артемиды ⁶⁾, Котито ⁷⁾ и т. д. Подобные обряды, говорить новѣйший шведскій ученый Ed. Reuterskiöld, являлись не только „заклинаніемъ

¹⁾ O. Schrader, Reallexik. 855 сл.; R. Meringer, *Indog. Forsch.* XXI, 300.

²⁾ W. Mannhardt, Wald-und Feldkulte, I, 160 сл.; Frazer, *The Golden Bough*², I, 196 сл.; II, 96 сл.; III passim; Schück, *Studier i nordisk litteratur-och religionshistoria* II, Stockholm 1904, 117 сл.; Hammarstedt, *Striden om vegetationsst ngan. Fataaburen*, 1907, 193 сл.; Edgar Reuterskiöld, *Sakramentala M ltider*, Uppsala, 1908, 124.

³⁾ См. M. Nilsson, Griech. Feste, 384 сл.; R. Wunsch, *Frühlingsfest der Insel Malta*, 19 сл.; Frazer, *The Golden Bough*², III, 115 сл.; E. B. Аничкова, Весен. обряд. пѣсни, passim.

⁴⁾ Nilsson, 363, прим. 4.

⁵⁾ Тамъ же, 117, 165.

⁶⁾ Тамъ же, 183.

⁷⁾ Тамъ же, 433.

весны или лѣта въ селѣ“; посредствомъ ихъ люди стремились увеличить или укрѣпить жизненную силу, какъ собственную, такъ и своихъ домашнихъ животныхъ. Отсюда широко распространенный обычай, пріурочиваемый въ Швеціи и у другихъ обыкновенно къ Иванову дню и заключающейся въ томъ, что подлѣ жилыхъ помѣщений, хлѣвовъ и конюшень водружаютъ срубленное зеленое деревцо или вѣтвь съ листьями ¹⁾. Въ этихъ предметахъ воплощается, по мнѣнию некультурнаго человѣка, творческая растительная сила.

Я не имѣю возможности вдаваться здѣсь въ критику изложенного выше воззрѣнія на сущность аграрного ритуала. Я позволю себѣ лишь замѣтить, что, несмотря на некоторую неудовлетворительность объясненій Frazer'a, Reuterskiöld'a, E. B. Аничкова и др. въ отдельныхъ частныхъ вопросахъ, новая теорія во многихъ отношеніяхъ, какъ мнѣ кажется, является болѣе приемлемой, нежели ея предшественницы ²⁾.

ГЛАВА V.

Обзоръ главнѣйшихъ видовъ растеній, имѣвшихъ религіозное значеніе въ древней Греціи.

1. Деревья и кустарники.

Дубъ (*Quercus*) ³⁾. „Какъ орелъ между птицами, какъ левъ между звѣрями, такъ дубъ между деревьями, не только русскими, но и вообще европейскими, считается царемъ, по своей могучей, величественной

¹⁾ Edg. Reuterskiöld, *Sakramentala M ltider*, 125: Men det har ej blott g llt att skaffa v r eller sommar i by, utan m nniskan har s kt f roka eller st rka sin egen och sina husdjurs lifskraft. Detta framtr der tydligt i ett vidt utbredd bruk, som i v rt land i allm nhet  r f rlagd till midsommar n mligen att vid boningshus, ladug rd och stall placera gr nskande tr d eller l fruskor.

²⁾ О различныхъ теоріяхъ происхожденія культа деревьевъ см. отчасти также de Visser, цит. соч., I, § 9 сл. О роли растеній въ народныхъ повѣріяхъ — W. Teirling, *Algemeen overzicht der plantenfolklore. Botan. Jaarboek*, 1891 (подъ руками не имѣлъ).

³⁾ О мифологическомъ и сакральномъ значеніи дуба въ Греціи срв. B tticher, *Baumkult. d. Hellenen*, Berl. 1856, II, гл. XXIX; A. de Gubernatis, *La mythologie des plantes*, II, Par. 1882, 64—86; Jos. Murr, *Pflanzenwelt in der griech. Mythol.*, Innsbr. 1890, 3—12; P. Wagler, *Die Eiche in alter u. neuer Zeit, eine mythologisch-kulturhistorische Studie*: I, Progr. des Kgl. Gymnas. zu Wurzen 1891; II, *Berl. Studien*, XIII, 1891; Constante, *Rev. arch ol.*, 1899, 341—357; A. B. Cook, *Zeus, Jupiter and the Oak. Class. Rev.*, XVII, 1903, 174 сл., 268 сл., 403 сл.; O. Kern y Pauly-Wissowa, III, 162 сл.; Olck y Pauly-Wissowa, V, 2027 сл. Срв. еще Preller-Jordan,